

Глава 1

Если бы Олега Павлова спросили, что его больше всего бесит в работе, он ответил бы, не задумываясь: толпа любопытных зевак, которая всегда собирается вокруг найденного трупа вне зависимости от времени суток. Вот и сейчас часы показывали начало первого ночи, а чуть в стороне, на дорожке парка стояли по меньшей мере десять человек, бросали в сторону полицейских жадные взгляды, негромко делились друг с другом раздобытой информацией, перемежающейся с выдумкой. Каждый из зевак держал на поводке псин разных размеров и степени горластости. Некоторые, самые крупные экземпляры терпеливо сидели на асфальте у ног хозяина и молчали, другие же, больше напоминающие крыс-переростков, заливались лаем каждый раз, как кто-то из полицейских переходил с места на место. Собак Олег не любил едва ли не больше, чем зевак, поэтому с трудом сдерживал раздражение.

— Слушай, Дерибайло, а нельзя этих, — Олег кивнул в сторону толпы, даже не глядя на нее, — по домам отправить?

Молоденький коллега со странной фамилией виновато пожал плечами.

— И так отогнали на максимальное расстояние, Олег Дмитриевич. Как же их по домам отправить, общественное же место? Да и не опросили мы еще их.

Толпу зевак действительно согнать с места было сложно, Олег это прекрасно знал. Просто накануне он здорово перебрал, а потому сейчас чувствовал себя не лучшим образом. Оставалось надеяться, что в качестве судмедэксперта сегодня дежурит Степа Морозов, с которым Олег прятельствовал уже много лет. После того как закончат с трупом, у Степы можно будет выпросить стопку на опохмел, он никогда не отказывает, а порой даже составляет компанию. Главное, чтобы начальство не прознало, но в этом у двух приятелей имелся кое-какой опыт.

— Еще и вонища эта! — раздраженно бросил Олег, прикрывая лицо рукавом куртки.

— Это да, — не мог не согласиться Дерибайло, морщась.

В начале ноября в парке сложно было ожидать каких-то особенных ароматов, но могло бы пахнуть хотя бы гниющими листьями, а не тухлыми яйцами. Очистные далеко, но ветер все равно умудрялся доносить оттуда отвратительные запахи, от которых мутило похлеще, чем от похмелья.

Олегу не повезло. Когда на дорожке, предназначенной для пешех прогулок и катания на роликах и велосипедах, показался черный автомобиль, на котором обычно приезжали эксперты, он воспрял было духом, но машина остановилась и вместо Степы Морозова из нее вышла незнакомая девица. Должно

быть, та самая новенькая, о которой Олегу доводилось слышать. Приехала откуда-то с юга, но вроде зарекомендовала себя неплохо. Девице на вид было под тридцатку, фигуру, на вкус Олега, она имела чересчур худосочную, угловатую, лицо тоже красотой не блистало: глаза круглые, губы тонкие. Волосы завязаны в тугий хвост, но даже из него умудрялись торчать в разные стороны. В общем, понятно, почему работает хорошо: Боженька обычно награждает девиц либо красотой, либо умом. Этой первого явно не досталось.

Следом за девицей из машины показался и криминалист Антон Боровой, и Олег совсем сник. Все, на хорошее окончание дежурства можно не надеяться.

Боровой и девица, каждый со своим чемоданчиком в руках, пробились сквозь толпу и спустились вниз, к полицейским.

— Здорово служивым! — как обычно поздоровался Боровой и тут же полез в карман за сигаретами. Курил он много, двадцати минут не мог прожить без сигареты, а в машине, очевидно, постеснялся дымить при новой коллеге.

— И тебе не хворать, — вышел из кустов еще один полицейский, Максим Светлов. Увидев девицу из судебки, тут же пригладил волосы, донжуан хренов, и расплылся в улыбке, протягивая ей руку: — Вы, значит, тот самый новый эксперт, о котором я так много слышал? Позвольте представиться, Максим Александрович Светлов, для вас просто Макс.

Девица в лице не поменялась, руку пожала вежливо, но на улыбку Светлова не ответила, чем заработала в глазах Олега один балл.

— Валерия Горяева, — представилась она.

— Майор Павлов, Олег Дмитрич, — буркнул Олег, когда очередь знакомства дошла до него. Сам не знал, зачем произнес так официально. Но пока не приехал следователь, он считал себя главным уже как минимум из-за возраста и звания. А главным не полагается улыбаться.

От Олега не укрылось, как фыркнул при этом Светлов, но девица — Валерия, как выяснилось — снова повела себя невозмутимо. Рукопожатие у нее было крепким, уверенным, но по-женски мягким. Несмотря ни на имя, ни на профессию, ни даже на скупую внешность, девица оставалась девицей.

— Ну, показывайте, что тут у вас, — первым попросил Боровой, зябко ежась и поглядывая на темное небо, затянутое низкими тучами. — Надо бы закончить до дождя.

Светлов тут же предложил девице локоть, чтобы проводить к трупу, но она то ли не заметила в полутьме, то ли намеренно проигнорировала такое прошлое ухаживание, и Олег снова приписал ей балл.

Труп лежал в кустах. Не так близко к дорожке, чтобы его было видно сразу, но и не так далеко, чтобы пролежать там несколько месяцев. В этой части парка по утрам и вечерам тусовались в основном собачники, один из них и нашел тело. С ним Олег побеседовал сразу после приезда. Парнишка был молодой, высокий и худой как швабра, зато псина у него была из бойцовых, скалилась и роняла слюну на землю, будто чувствовала, что Олегу это противно.

— Джека с поводка спустил, — рассказывал, заикаясь, парнишка. — Чтоб побегал немного. Убедил-

ся, конечно, что рядом никого нет. Джек у меня спокойный, дрессированный, но, если другие на него бросаются, за себя постоит. А шавок этих мелких одним щелчком пополам перекусить может, поэтому я всегда проверяю.

— Ближе к делу, — поморщился Олег.

Парнишка покраснел, стал заикаться еще сильнее, но больше не отвлекался. Рассказал, что Джек сначала рядом бегал, с палкой играл, а потом вдруг остановился, зарычал и бросился в кусты. Парнишка подумал, что там белка или заяц, побежал за собакой, а обнаружил тело. И к этому телу сейчас полицейские провожали Борового и девуцу.

Валерия, надо отдать ей должное, даже не поморщилась, когда увидела труп. Остальные полицейские, когда приехали, вели себя не так достойно, молодой Дерибайло, взглянув один раз, больше в ту сторону вообще старался не ходить. Олег его за это не винил. Дерибайло всего полгода в полиции, опыта у него еще немного, лет через двадцать пять, когда поработает столько, сколько Олег, бутерброды жрать будет рядом с такими трупами.

Тело не было расчленено, пожухлая трава вокруг не была забрызгана кровью и ошметками мозгов, все было тихо и даже по-своему прилично. И тем не менее смотреть оказалось неприятно. А все потому, что старуха — а это определенно была старуха — выглядела чересчур высохшей, сморщенной, как забытое на земле яблоко по весне. При этом Олегу доводилось выезжать на мумии. Порой одиноких людей не искали так долго, что они успевали мумифицироваться прежде, чем их находили. Чаще всего сосе-

ди начинали бить тревогу уже через несколько дней, когда специфический сладковатый запах разносился по всему парадному, но порой случалось так, что тело мумифицировалось, а не разлагалось. Тогда запах никого не тревожил. И тем не менее старуха в кустах не была мумифицирована. Высохшая — да, но не мумифицированная. Просто, очевидно, настолько худая и старая по жизни.

Но самым странным было даже не это. Странной была сама бабка: седая, сморщенная, при этом с ярко-красным маникюром, в модном спортивном костюме, поверх которого была надета дорогая спортивная куртка. На ногах — не стоптанные башмаки, а идеально-белые кроссовки. Нет, Олег видел пожилых женщин, которые одевались в молодежных магазинах, но все-таки им было лет под шестьдесят. Мертвой старухе он дал бы все сто.

Боровой вместе с Дерибайло настроили два прожектора, осветили труп и поляну вокруг. Криминалист быстро зафиксировал обстановку и дал добро судебному медику на осмотр. Следователь пока так и не явился, поэтому Олег стоял рядом, наблюдал. Девушка затаенными в тонкие перчатки руками профессионально осматривала тело, осторожно, но уверенно трогала те или иные части, длинным тонким щупом мерила температуру тела и при этом хмурилась. Ничего не говорила, но Олег чувствовал, что не из вредности, не ждет, чтобы ее спросили первой, просто пока делает выводы. Когда труп немного повернули, освободив правую руку, которая до этого лежала под телом, Олег разглядел и обручальное кольцо на безымянном пальце. Не простую желтую

полосочку и не пошло-огромный перстень, модный лет восемьдесят назад, когда старуха выходила замуж, а кольцо из белого и желтого золота с парочкой яркосверкающих камешков. Неужто бриллианты?

Наконец девица поднялась, стянула перчатки и направилась в его сторону. Тут же подошли и Светлов с Дерибайло.

— Честно говоря, труп у вас весьма странный, — заметила Валерия. — Судя по температуре тела, если учитывать температуру окружающей среды, конечно, женщина умерла часа два назад. Судя по трупному окоченению — не меньше суток назад. Но окоченение может протекать по-разному, так что это не точный показатель. Но и сама женщина странная. Вроде мумифицированная, а вроде и нет. Может, крайняя степень истощения. Точнее скажет эксперт после вскрытия.

Крайняя степень истощения? У старухи в дорогом костюме и с бриллиантами в кольце? Олег сильно сомневался, но промолчал.

— А что насчет причины смерти? — уточнил Светлов.

Валерия развела руками.

— Внешних повреждений нет. А подробности после вскрытия.

Если девица все же права и у женщины на самом деле при жизни была крайняя степень истощения (а бывают такие, что умирать от голода будут, но семейные реликвии в ломбард не сдадут!), то Олег не удивится, если выяснится, что она просто умерла. Шла-шла — и все, откинулась. Тем более ноябрь на дворе, по ночам случаются заморозки, даже сейчас

ледяной ветер не сбивает с ног только потому, что со всех сторон защищают деревья, а выйди на открытый участок — и все. Упасть от слабости и замерзнуть насмерть нынче сложно, но возможно.

Если так, то будет хорошо. Родственников найдут, тело отдадут, никакого геморроя. Но сыщицкое чутье, которому Олег научился доверять за двадцать пять лет непрерывной службы в отделе убийств, говорило, что так просто не будет. Есть что-то странное в этом трупе, есть. И не только одежда и обручальное кольцо.

Следователь приехал лишь к трем часам. Дежурила Василиса Петровна Соломатина, прозванная Василисой Прекрасной будто в насмешку: ей было уже под полтинник, и даже в лучшие годы она не блистала красотой, а к пенсии и вовсе обабилась. Стала толстой, неповоротливой, страдала одышкой и повышенным давлением, то и дело глотала таблетки и заедала их дешевыми сигаретами. Когда-то Олегу она нравилась. По молодости была хваткой, твердой, никого и ничего не боялась. В девяностые, когда Олег только начинал, а она тоже была еще молодым следоком, ее уважала местная братва и боялись те, кто помельче. С возрастом Василиса обленилась, уже не так рьяно бралась за расследования. Если пахло глухарем, и вовсе могла попытаться закрыть дело, так толком и не открыв. Ее все еще уважали за прошлые заслуги те, кто знал давно, а вот молодежь уже поглядывала с презрением.

Спускаться к трупу Василиса не стала, велела упаковывать и увозить, зато лично занялась опросом свидетелей. Вот уж в чем она была хороша, так

это в допросах. Психологически давила так, что раскалывались даже самые стойкие. Но от свидетелей ничего добиться не получилось даже у нее. Собачники все как один ничего подозрительного не видели. Вечер выдался хмурым, то и дело срывался мелкий дождь, грозящий вот-вот перейти в колючий снег, поэтому каждый торопился выгулять псину и вернуться домой. Те, кто был в парке в тот момент, когда умерла женщина, уже ушли домой, те же, кто все еще толпился на дорожке, пришли позднее. Дерибайло долго и упорно записывал контакты каждого, а также выяснял адреса и телефоны тех, кто ушел домой, чтобы затем связаться с ними, если вдруг выяснится, что женщину все-таки убили.

Однако, судя по тому, с какой неохотой начали работать коллеги после заключения девицы-эксперта, никто не верил, что вся эта собранная информация им понадобится. Был бы другой следователь, может, и проявили бы больше усердия, но все понимали: Василиса постарается делу ход не давать.

Возможно, ни у кого, кроме Олега, не было дурного предчувствия, но вот он ничего не мог с собой поделывать.

* * *

Наверное, нет такой работы, при нехватке кадров, на которой за всех не отдувались бы незамужние и бездетные женщины. Почему-то считается, что у таких женщин нет никаких интересов, кроме работы, а если вдруг есть, то их всегда можно подвинуть. Пойти в отпуск? Да зачем тебе лето, ты же не зависишь от каникул, тебе детей на море везти не нужно,

отдохни зимой. Поработать сверхурочно? Тебя же не ждет дома голодный муж. Выйти в свой выходной? Положи коту еды побольше и марш в офис!

Лера Горяева не имела ни мужа, ни детей, поэтому как раз была одной из тех женщин, которые даже после ночного дежурства выходят в дневную смену. Но правда была в том, что у Леры не было не только мужа и детей, но даже друзей и родственников на расстоянии ближайшей тысячи километров. А еще она искренне любила свою работу, поэтому не видела ничего страшного в том, чтобы поработать побольше. Тем более ночью, вернувшись с вызова на труп в парке, ей даже удалось вздремнуть пару часов.

Утро в Бюро судебных экспертиз началось, как обычно, с короткого совещания, во время которого каждый из дежуривших экспертов рассказал о том, кого привез ночью, а затем заведующий распределил работу между теми, кто пришел на работу в день.

— Лера, раз уж вы у нас сегодня работаете и днем, то возьмите на аутопсию свой труп.

Заведующий — мужчина пятидесяти трех лет, высокий, статный, с благородной сединой в волосах, подстриженных у дорогого парикмахера, — порой выдавал такие перлы, что Лера едва сдерживалась. Судя по закусанным губам у коллег, они тоже. Но исправлять начальство вслух никто не рисковал. Лера уже выяснила, что заведующего прислали полгода назад назначением *сверху*, а потому подчиненные вполне справедливо полагали, что лучше держать дистанцию. Коллеги говорили, что при предыдущем заведующем, которого внезапно свалил инсульт прямо на рабочем месте, атмосфера в Бюро

была теплая, даже немного расхлябанная. А потому неудивительно, что новым завом назначили не кого-то из тех, кто работал под началом предыдущего.

— Лерка, смотри не порежься, когда свой труп вскрывать будешь, — хихикали коллеги после совещания, расходясь каждый по секционным залам.

Но раньше найденного в парке трупа Леру ждала чашка горячего кофе и свежий круассан из небольшой пекарни через дорогу. Санитар Андрей, с которым Лере предстояло сегодня работать, каждое утро оставлял ей на столе в кабинете такие приятности. Без всякого романтического подтекста, что было особенно приятно. Еще в первую неделю работы Лера прикрыла его перед начальством, и с тех пор парень считал себя обязанным. Залет был бы крупным, вплоть до увольнения, но совершенным по глупости, без злого умысла. А потому неудивительно, что Андрей был очень благодарен Лере. Поскольку никакой более крупной благодарности Лера принимать категорически не хотела, он хотя бы встречал ее кофе и булочкой. И от этого Лера совершенно точно отказываться не собиралась. Сто рублей каждое утро санитара не разорят, а ей приятно. Более того, иногда жизненно необходимо. Без кофе по утрам Лера и с кровати-то подняться не могла, а уж если приходилось работать ночью, так и вовсе чувствовала себя настоящим зомби.

В секционную она входила взбодрившаяся и готовая пахать всю смену. Правда, резкий запах сероводорода, мгновенно донесшийся до нее, едва только Лера открыла дверь, энтузиазма поубавил. Что ж за ветер-то такой, что принес его даже сюда? Лера в парке-то с трудом его переносила, хотя была при-

вычна к разным ароматам, теперь терпеть его и тут? Не сказать, чтобы он был таким уж сильным, сбивающим с ног, но Лера четко его ощущала, а потому не обращать внимания не могла.

— Андрей, закройте окно, невозможно же, — попросила она.

— Так окно закрыто, Валерия Романовна, — ответил санитар, как раз готовивший тело к вскрытию. — Это от нее так. — Он кивнул на женщину на столе.

Лера с подозрением покосилась на тело. Сколько ж она пролежала в том парке, что так пропиталась этим ароматом?

— Тогда откройте, — попросила она. — Или, лучше, вытяжку на полную мощность включите. И хорошенько помойте тело, иначе мы с вами к вечеру свалимся от мигрени.

Андрей послушно включил вытяжку и взялся за шланг с водой, ожидая, когда Лера закончит с осмотром и можно будет все хорошенько вымыть.

— Вот это жмурик! — не то с восхищением, не то с отвращением говорил он, стоя чуть в сторонке. — Я таких никогда не видел.

Лера тоже не видела. На прежнем месте работы мумифицированные трупы ей не попадались, однажды довелось исследовать только руку, поэтому это вскрытие будило и в ней исследовательские интересы. Но чем больше Лера его изучала, тем сильнее у нее не сходились, как говорят, дебет с кредитом. И когда за полчаса до обеда к ней внезапно заглянул коллега и сообщил, что ее ждет полицейский, Лера все еще возилась с телом, но воспользовалась возможностью отдохнуть. Она не столько устала, сколь-

ко боялась, что затуманились мозги, и она не понимает чего-то очевидного.

Полицейским оказался тот самый хмурый мужик, которого она уже видела ночью в парке. Павлов, кажется, так он представился. Или Петров. Лера запомнила, что фамилия «именная» и популярная, но в последнее время она так часто знакомилась с новыми людьми, что уже не надеялась на память. Ночью полицейский показался ей крайне неприятным. Во-первых, он был недвусмысленно помят и от него пахло мятной жвачкой. Верный признак того, что он пытался скрыть какой-то другой запах. И едва ли это запах сигарет, скорее всего перегар. А во-вторых, он, не стесняясь, рассматривал ее, и Лера видела, что оценку поставил весьма невысокую. Лера никогда не комплексовала по поводу своей внешности, прекрасно осознавала собственные недостатки, и помятый мужик лет на пятнадцать старше совершенно точно не входил в круг тех, кому она хотела бы нравиться, но все равно было неприятно.

Сейчас Павлов выглядел чуть приличнее. Уже не такой помятый и хмурый, даже, кажется, побрившийся. Только под глазами залегали глубокие тени, выдававшие, что он, как и Лера, с ночного дежурства сразу заступил на дневное.

— Доброе утро, Валерия Романовна, — почти вежливо произнес он, внезапно протягивая Лере картонный стаканчик, в который наливал кофе автомат на первом этаже Бюро.

Кофе, надо заметить, в нем был отвратительный, но стаканчик Лера взяла. Скорее от неожиданности, чем от желания выпить кофе.

— Можно просто Лера, — ответила она. — Чем обязана?

— Мне сказали, что труп наш ночной вам на экспертизу отдали. Вот я и зашел узнать, как продвигаются дела.

— Стандартно, — пожала плечами Лера. — Еще не закончила, официальный отчет предоставлю в установленные сроки.

— А может, сейчас поделитесь мыслями? — попросил Павлов, и в голосе его не было ни заискивания, ни, наоборот, недовольства. — Официальный отчет — это хорошо для следователя, а мне бы сейчас уже информацию получить да работать начать. Преступления хорошо раскрываются в первые семьдесят два часа, дальше уже может быть поздно.

Честно говоря, ночью Павлов не показался Лере таким уж самоотверженным полицейским, заинтересованным в своей работе. Скорее она подумала, что он из тех, кто за много лет полностью выгорел, продолжает работать по инерции, потому что ничего другого не умеет и учиться не хочет, ждет пенсию, а попутно прикладывается к бутылке, чтобы скрасить ожидание. Было даже приятно выяснить, что она ошиблась. Не то чтобы ей было дело до самого Павлова, но всегда приятно знать, что люди немного лучше, чем казались изначально.

Лера поставила стаканчик с кофе на стол и помянула Павлова за собой.

— Только халат наденьте.

Он не стал спрашивать, где взять халат, и вообще вел себя уверенно, что дало Лере понять: в Бюро он частый гость, приходит за подробностями.

ми, не дожидаясь отчета судмедэксперта, не в первый раз.

— Честно говоря, удивлена таким рвением, — призналась Лера на пути в секционный зал.

— Потому что думали, что я законченный алкоголик? — хмыкнул Павлов.

Он мысли читать умеет, что ли?

— Потому что так и не нашла у трупа признаков насильственной смерти, — призналась Лера. — Думала, полиция не любит заниматься делами, от которых легко можно избавиться.

— Не любит, — не стал спорить Павлов. — И если вы так и не найдете признаков убийства, вполне возможно, следователь закроет дело.

— Но?.. — Лера даже обернулась, чтобы лучше видеть собеседника.

— Не знаю, — тот развел руками, — можете считать меня сумасшедшим, но чутье мне подсказывает, что тут не все так просто.

Что ж, с чутьем Павлову явно повезло. Лера открыла дверь, пропустила сыщика в секционную, вошла следом. Андрея не было, видно, сбежал перекусить, воспользовавшись внезапной паузой. Лера знала за собой эту особенность: увлекшись, она могла пропустить и обед, и окончание рабочего дня, а бедные санитары вынуждены были сидеть рядом, страдая от голода.

— Труп ваш сложно назвать обычным, — призналась Лера, подводя Павлова к столу.

Тот посмотрел на еще не зашитое тело без брезгливости, будто видел такие зрелища каждый день. Не морщился, не отворачивался.

— Это женщина, но вот определить ее возраст я не могу. Чисто внешне — далеко за восемьдесят, а скорее ближе к девяноста. А то и к ста. Но зубы у нее как у молодой. Все свои, ни коронок, ни имплантов. Более того, пломбы я нашла всего на четырех.

Павлов с интересом склонился над столом, заглянул в рот женщине, словно хотел лично убедиться в том, что Лера не врет. Но Лера чувствовала, что ему просто было любопытно, дело не в недоверии к ней. Чем больше она наблюдала за полицейским, тем яснее понимала, что первое впечатление о нем было ошибочным. Да, он определенно любит приложиться к стакану, но при этом к работе испытывает искренний интерес и, скорее всего, делает ее неплохо.

— Кожа, внутренние органы выглядят высохшими, но при этом я не нашла типичных возрастных изменений: ни атеросклероза сосудов, ни изменений в сердце. Ткани на анализ отправила, может быть, после их изучения станет что-то понятно.

Павлов бросил на нее странный взгляд, затем обошел вокруг стола, внимательно разглядывая сморщенное тело женщины.

— И как вы это объясняете? — поинтересовался он.

— Пока никак, — призналась Лера. — Пока для меня это очень старая женщина с отменным здоровьем и крепкими зубами. И мне не верится, что такое возможно.

Павлов, как раз склонившийся к столу, снова поднял голову и посмотрел на нее.

— Потому что никогда такого не видели?

— Если я чего-то не видела, это не значит, что такого не существует, — пожала плечами Лера. — Но